

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 8
volume 8**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1996**

Н. А. Невский

На стеклах вечности...

**НИКОЛАЙ
НЕВСКИЙ**

**Переводы,
исследования,
материалы к биографии**

ЯПОНИСТИКА ЭТНОГРАФИЯ

Н. А. Невский-этнограф

Л. М. Ермакова

Наследие Н. А. Невского в области изучения японской этнографии и религии трудно переоценить даже теперь, когда и в Японии и на Западе год от года множатся исследования и переводы текстов, связанных с верованиями, культурами и народным искусством разных областей Японских островов.

Н. А. Невский весьма четко и определенно очертил круг проблем, которыми занимался сам и которые ждут дальнейших исследований по намеченным им направлениям. Он сформулировал понятия, позволяющие отделить синтоизм как официальное и отчасти искусственное построение от совокупности народных верований и представлений, порой сливающихся с заимствованными из Китая представлениями о магической практике инь-ян, буддийскими и конфуцианскими концепциями.

В своем «Кратком отчете о занятиях в Японии...» он с самого начала заявляет, что «синто не есть понятие абсолютное, позволяющее каждому, слышащему данное слово, сразу же вызвать в своем мозгу сущность концепции, обозначаемой данным термином».

Существовавшие к тому времени течения синтоизма Н. А. Невский классифицирует по трем группам: первая — это буддизированный синтоизм, в котором национальные боги трактуются с точки зрения догматов той или иной буддийской секты; вторая — синтоизм, рассмотренный с точки зрения китайских учений — даосизма, конфуцианства, теорий инь-ян или пяти элементов; третья, по Невскому, объединяет попытки объяснить трактуемый предмет посредством сравнительного изучения национальных (или мыслимых национальными) классических преданий, собранных в «Кодзики», «Нихонги», «Манъёсю» и др. К третьей группе относятся синтоистские учения Национальной школы Кокугакуха, к этой же группе, названной Н. А. Невским «квазинациональным синто», ученый относит и деятельность японских книжников VIII—XI вв., записывавших древние предания разных земель Японии. Впоследствии появились и течения, осмысляющие синтоизм в христианских терминах.

Поэтому «единственный путь для исследования первичных верований Японии — это прибегнуть к сравнительной этнографии и национальному фольклору, под которые подходят прежде всего ныне существующие сказания и предания разных провинций, народные обычаи, суеверия, гадания и чародейства, народные храмовые празднества и обряды, народные танцы, детские игры и пр. (Особо стоит придворный ритуал и придворные обычаи, в кото-

рых тоже сохранилось много пережитков древнего ритуала в неприкосновенном виде.)»

Последняя распространенная цитата приведена здесь не только потому, что в ней коротко изложена программа исследований самого Н. А. Невского, но и ввиду того, что она задает общее методологическое направление работы любому из современных ученых, занимающихся проблемами становления японской национальной культуры.

Разумеется, в современной Японии обряды, гадания и народные приметы ныне находятся в гораздо меньшей степени сохранности, чем в 20-е годы, когда ученый имел возможность в полевых условиях заниматься их сбором и изучением. Тем более ценны наблюдения и соображения, вплоть до мелких, отрывочных записей и фрагментов переводов, выполненных этим выдающимся этнографом, фольклористом, лингвистом-полиглотом.

Наследие ученого, связанное с очерченной выше проблематикой, сохранилось в архивах, хранящихся в библиотеке Тэнри в Японии, а также в Архиве востоковедов Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН. Некоторые статьи Н. А. Невского были опубликованы в Японии как при его жизни, так и посмертно.

Важное место в наследии Н. А. Невского занимает перевод письменного памятника начала IX в. «Когосюи», который до сих пор не переведен на русский язык. Английский перевод, весьма пояснительный и распространенный, появился лишь в 1926 г. Таким образом, по-видимому, работа Н. А. Невского, рукопись которой сохранилась в Японии, представляла собой первую пробу перевода этого весьма сложного и концентрированного текста на европейский язык. Перевод Н. А. Невского точно воспроизводит все эллипсисы и характерные фразеологизмы оригинала; очевидно, что это — результат скрупулезного, но самого первого прочтения текста, наверняка предполагались последующие редакция и комментирование (о том, как Невский работал над стилем, добиваясь литературности и выразительности русского перевода при сохранении максимально близкой дистанции с оригиналом, мы можем судить по фрагментам сохранившихся вариантов работы над молитвословиями *норито*). К сожалению, он, по всей вероятности, не вернулся к этой рукописи. Однако и в таком виде она представляет собой драгоценный материал для поколений японоведов, занимающихся древней историей и словесностью Японии; придавая переводу скупой, но необходимый комментарий, мы преследовали цель — ввести этот важнейший письменный памятник в научный обиход и сделать его пригодным для работы фольклористов, мифологов, религиоведов.

И «Когосюи», и молитвословия *норито* интересовали Н. А. Невского не только сами по себе как сколки преданий древности и архаических обрядов, но и как дополнение к тому живому этнографическому материалу, который он черпал из повседневных наблюдений во время своих экспедиций и путешествий.

Благодаря своему опыту и обширным знаниям он имел возможность сопоставить молитвословия *норито* с молениями рюкюских жриц и текстами, используемыми в шаманской практике северных заклинательниц *итако*, заметить типологическое сходство придворных молений об урожае с народными песнями, исполняемыми при посеве проса, которые были записаны его современниками, японскими этнографами, на далеких островах Мияко. Трагическая этнографическая явления начала века, ученый опирается на мифы, зафиксированные в «Когосюи», которые, в свою очередь, ему удастся проинтерпретировать в широком контексте материалов по земледельческой магии.

В соответствии со сформулированной им концепцией исследования первичных верований Японии Невский отыскивает и осваивает богатейший фольклорный материал. Собирая разные предания, записывая факты, изучая диалекты японского языка и язык айну, Н. А. Невский всякий раз проявляет — что очевидно для каждого, читающего его рукописи, — не только экстраординарную одаренность, но и поразительную точность, научную добросовестность и честность, своего рода перфекционизм.

Непреходящую ценность представляют его научные работы, трактующие различные аспекты добуддийских верований японцев. Он пишет о фольклорных песенных игрищах *утагаки* (*кагаи*), рассматривая не только их словесно-магический аспект, но и обрядовую сторону с точки зрения этнографии и культур-антропологии, в его работах прослеживаются различные архаические концепции японцев — бессмертия, молодящей воды, крови как источника жизни и магического средства, используемого в культе плодородия. Собранные ученым материалы и его выводы не утратили научного значения и по сей день, что подтверждается широкой известностью его работ в японском научном мире.

Особую группу рукописей в наследии Н. А. Невского составляют его переводы с японских рукописных ксилографов, относящихся, как правило, ко второй половине XIX в., а также этнографических работ начала нынешнего века, содержащих весьма ценные записи относительно различных календарных обрядов и обычаев, принятых в разных местностях разновидностей ритуальной пищи, типов культовых предметов, амулетов, гаданий и примет. Такого рода материалы представляют бесценные источники для современных исследователей.

Работы Н. А. Невского, содержащиеся в архивах, если в чем-то и устарели (в сущности, некоторые из них написаны семьдесят лет назад), то лишь в области терминологии. Об этом говорится в комментариях к публикациям. Поскольку основные теоретические положения, на которые опирался Невский, главным образом связаны с работами Э. Б. Тайлора, то иногда его рассуждения об анимизме кажутся не вполне отвечающими современному состоянию науки. Точно так же не подтверждаются данными современного сравнительного языкознания некоторые предлагаемые ученым этимологии. Однако даже если считать ошибочной, например, его гипотезу о происхождении слова *мори* ('лес') от понятия бога-охранителя (*мори* 'охранять'), тем не менее в области этнографии, истории обряда, культовой практики, связанной с поклонением горе, лесу, дереву, работа Невского об этимологии слова *мори* не утратила своей научной значимости.

Можно без всяких колебаний утверждать, что все статьи этого раздела сборника весьма актуальны и послужат на пользу отечественному японоведению, основы этнографии и фольклористики которого были заложены трудами Н. А. Невского и до сих пор остаются непревзойденными.

Ряд публикаций оказалось возможным осуществить благодаря трудам и энтузиазму канд. филол. наук Н. С. Шефтелевич и д-ра филол. наук В. М. Алпатова.